

От автора бестселлера «Краткая история Англии»

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЛОНДОНА

САЙМОН ДЖЕНКИНС

Саймон Дженкинс

Краткая история Лондона

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 908
ББК 63.3(4Вел)

Дженкинс С.

Краткая история Лондона / С. Дженкинс — «Азбука-Аттикус»,
2019

ISBN 978-5-389-19994-1

В книге видного британского публициста и общественного деятеля, автора бестселлера «Краткая история Англии» Саймона Дженкинса в четком хронологическом порядке изложена история Лондона начиная с основания Лондиниума и первого периода жизни города (43–410 гг.) до настоящего времени. Рассказ, помещенный в широкий культурный контекст и уделяющий особое внимание архитектуре города, сопровождается картами и цветной вкладкой, а также списком главных вех в жизни Лондона. «Лондон, заложенный римлянами, а потом заново основанный англосаксами, беспрестанно рос. К XVIII веку это была крупнейшая столица Европы, а к XIX — столица мира. После Второй мировой войны рост Лондона, казалось, достиг пределов и начал замедляться. Но на рубеже XXI века город вновь стал расти, притягивая к себе людей, финансы и таланты со всей страны, со всей Европы и со всего мира. Ожидается, что к 2025 году его население превысит 9 миллионов человек. Первый средневековый мегаполис испытал потрясения в XVII веке с его гражданской войной, Великой чумой и Великим пожаром, но вышел из них с успехом, вступив в XVIII век, золотой век обновления и интеллектуальной продуктивности. За этим последовали потрясения, вызванные появлением железных дорог и взрывным ростом пригородов, подобного которому не испытал ни один другой город мира. На рубеже XX века Лондон достиг апофеоза имперского величия, на протяжении столетия пережил бомбардировки двух мировых войн, после которых начался период упадка. В третьем тысячелетии город вновь стал процветать, став мировым финансовым центром. Мне интересен Лондон всех времен — не вечно одинаковый, но всегда хранящий один и тот же дух. Я стараюсь ответить на вопросы, которые всегда интриговали меня и, надеюсь, заинтригуют читателей». (Саймон Дженкинс) В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 908
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-389-19994-1

© Дженкинс С., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Введение	7
1. Лондиниум. 43–410	10
«Отец Темза»	10
Римский город	12
Отступление и исчезновение	14
2. Саксонский город. 410–1066	16
Интерлюдия: Лунденвик	16
Возрождение христианства	17
Саксы и даны	19
Новый город на западе	22
3. Средневековый мегаполис. 1066–1348	24
Нормандское завоевание	24
Город коммерции	26
Генрих III: опасный бунт	29
Разносторонняя столица	30
4. Эпоха Чосера и Уиттингтона. 1348–1485	31
Чума и восстание	31
Лондон Чосера	33
Церковь и политика	35
Эпитафия средневековому городу	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Саймон Дженкинс

Краткая история Лондона

Ханне

Simon Jenkins

A SHORT HISTORY OF LONDON

The Creation of a World Capital

© Simon Jenkins, 2019

© Jeff Edwards and Ed Merritt, maps

© Борок Д. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

КоЛибри®

Введение

Вид, открывающийся с лондонского моста Ватерлоо, представляет собой совершенный хаос – эксцентричный, стихийный, одуряющий, головокружительный хаос. В течение всей жизни я наблюдаю за его эволюцией и все еще пытаюсь понять, какие силы его движут. Хронике этих попыток я и предлагаю вашему вниманию. Лондон, заложенный римлянами, а потом заново основанный англосаксами, беспрестанно рос и продолжает расти. К XVIII веку это была крупнейшая столица Европы, а к XIX – столица мира. После Второй мировой войны рост Лондона, казалось, достиг пределов и начал замедляться. Но на рубеже XXI века город вновь стал расти, притягивая к себе людей, финансы и таланты со всей страны, со всей Европы и со всего мира. Ожидается, что к 2025 году его население превысит 9 миллионов человек. Как бы то ни было, я уверен в одном: Лондон живет собственной жизнью.

На протяжении большей части истории Лондон и Вестминстер были независимыми административными образованиями: делом первого была экономика, делом второго – политика. Сложные отношения между ними не раз предстанут перед нами на протяжении этой книги. Первый средневековый мегаполис испытал потрясения в XVII веке с его гражданской войной, Великой чумой и Великим пожаром, но вышел из них с успехом, вступив в XVIII век, золотой век обновления и интеллектуальной продуктивности. За этим последовали потрясения, вызванные появлением железных дорог и, как следствие, взрывным ростом пригородов, подобного которому не испытал ни один другой город мира.

На рубеже XX века Лондон достиг апофеоза имперского величия, на протяжении века пережил бомбардировки двух мировых войн, после которых начался период упадка. В 3-м тысячелетии город вновь стал процветать, превратившись в мировой финансовый центр, однако спорам о том, в каком направлении ему следует расти, как он должен выглядеть и кому он «принадлежит», конца пока не видно.

Эта книга посвящена в первую очередь эволюции внешнего вида Лондона: почему сегодня он выглядит именно так – более пестрым и анархичным, чем любой другой сравнимый по величине город? Корни истории неизменно кроются в географии; физическая эволюция Лондона тесно связана с его расположением и топографией. Поколения его жителей сменяют друг друга, новые профессии приходят на смену старым, но структура города, словно неразрывная цепь, связывает прошлое и настоящее.

Везде, где собираются люди, появляется почва для волнений, но на протяжении двух тысячелетий конфликты, разгоравшиеся в Лондоне, разрешались на удивление мирно. На здешних улицах жертвами политических волнений пало меньше людей, чем в любом другом из великих городов мира. Борьба лондонцев органично связана с самим Лондоном и природой его роста, с потребностями торговли и попытками ее планирования или регулирования.

Примечательно в этой истории то, что упомянутые попытки в целом провалились. Лондон давно уже сам себе хозяин. На любые бедствия (будь то восстание Боудикки, нормандское завоевание, реформация при Генрихе VIII, чума, пожар или бомбардировки) он отвечал тем, что с головой погружался в работу и занимался своим делом – с фантастическим успехом.

В большинстве работ история Лондона рассматривается в отрыве от истории страны, столицей которой он является. Я попытался поместить историю города в национальный, а до некоторой степени и в международный контекст. Лондон всегда старался держаться в стороне от событий, затрагивавших остальную часть страны, но сыграл судьбоносную роль в гражданской войне и в сражениях XIX века за реформы. Лондонская толпа всегда говорила собственным голосом, и не следует недооценивать ее лишь потому, что ее выступления так редко принимали буйный характер.

Если выйти за пределы Сити и Вестминстера, определить, что такое Лондон, становится еще труднее. Писатель и историк Викторианской эпохи Уолтер Безант писал о двух Лондонах, о которых «никто не знает и не желает знать»: Восточный Лондон и Южный Лондон. Каждый из них по размеру превышал Манчестер, однако миллионы живших там людей никогда не пересекали границу между ними. Восточный Лондон был почти отдельным городом, где жил рабочий класс, а в Южном Лондоне, по словам Безанта, худо-бедно напоминал достопримечательность разве что паб «Слон и замок» (Elephant and Castle) – ныне, увы, исчезнувший. В последние два века возник третий Лондон, еще менее заметный. Это тихий безликий пригородный мегаполис, рожденный железными дорогами и за полвека с 1880 года увеличивший площадь Лондона вшестеро. В зависимости от того, как определять его границы, его территория составляет до 80 % от всего Лондона. Я попытался отдать должное и ему.

Лондон в целом никогда (по крайней мере, до XXI века) не имел самоуправления как единого исполнительного органа, отвечающего за работу всего городского хозяйства или большей его части. Напротив, он проявлял неизменную политическую апатию. Ответ на вопрос, почему он был столь политически инертен по сравнению с Парижем, Берлином, Веной или Санкт-Петербургом, кроется отчасти в том, что он стал центром зарождающейся национальной демократии. Как мне кажется, еще одна причина – географическая. Города – это котлы под давлением, чей предохранительный клапан – расширение. Всегда, когда казалось, что столица вот-вот затрещит по швам, начиналось активное строительство. Лондонские трущобы XIX века были ужасны, но в сравнении с парижскими представляли собой куда более скромную картину. А железная дорога давала отдушину, через которую город выплескивался на ставшие доступными территории Мидлсекса, Эссекса, Суррея и Кента. В 1854 году Королевская комиссия скучно описывала столицу как «провинцию, застроенную домами». Карл Маркс, раздумывая о судьбе лондонских бедняков, при виде тихих почтенных улиц и площадей отчаялся найти в лондонцах революционный потенциал.

Из упомянутых конфликтов самый серьезный как раз в наименьшей степени зафиксирован в источниках, а вот в этой книге ему уделено больше всего внимания. Этот конфликт разгорелся в третьей четверти XX века, когда бульдозеры послевоенных градоначальников нанесли городу куда больший урон, чем немецкие авианалеты, во время войны уничтожившие многие дома Сити и частично Ист-Энда. Проезжая сегодня через внутренние пригороды¹, вы едете по городу-призраку, в котором прежние рабочие улицы погребены под муниципальной застройкой и многоквартирными высотками. Самовластные архитекторы сносили здания и строили с нуля, накладывая собственные идеологические и эстетические шаблоны на живой, пульсирующий организм города. К тому времени как общественное неприятие и недостаток ресурсов положили этому конец, немалая часть преимущественно викторианского Лондона была опустошена, хотя многое, к счастью, уцелело.

По мере приближения к настоящему времени наш современный опыт неизбежно добавляет в рассказ новые краски. Я живу в Лондоне с раннего детства и успел пожить в четырех боро² – трех к северу и одном к югу от Темзы. Древние греки считали, что полис может выжить, только если его жители участвуют в управлении. Я никогда не избирался на управленческие должности, но всю жизнь описывал всевозможные грани облика столицы; работал я и в учреждениях, занимавшихся вопросами транспорта, жилищного строительства, планирования, культуры и охраны памятников³. Я редактировал лондонские газеты – утреннюю и

¹ Под «внутренними пригородами» в англо-американской терминологии понимаются «спальные районы», примыкающие к центральной (деловой) части города и застроенные, как правило, в 1950–1970-х годах. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

² Боро – административная единица Лондона, аналог городского района.

³ Автор входил в правление следующих организаций: British Rail, Transport for London, Музея Лондона, культурно-выставочного центра South Bank, театра «Олд-Вик», Сомерсет-Хауса, управления жилищного строительства района Паддингтон.

вечернюю (Times и Evening Standard), трижды выполнял обязанности присяжного и дважды заведовал школой. Активизм для меня – постоянная тема, и сегодня я прохожу по городу как старый солдат, вспоминая прошлые победы и поражения. Иногда это поднимает дух, иногда расстраивает.

Мой интерес к внешнему виду Лондона – конкретный и преднамеренный. Мне интересен Лондон всех времен – не вечно одинаковый, но всегда хранящий один и тот же дух. Баталии по вопросам джентрификации⁴, борьбы с бедностью, образования и жилищного строительства реальны и важны, но я считаю, что городские политики не должны угождать только нынешнему поколению. Да, у нас есть право быть услышанными. Но город, в число жителей которого мы ненадолго вошли, выживет, и важно именно то, какой город мы передадим потомкам. Я содрогаюсь при мысли о том, что скажут будущие поколения о нынешнем силуэте Лондона, так же как нас приводит в содрогание то, что сделали наши родители и родители наших родителей после Второй мировой войны. Мы не должны забывать, что, выбирая тот Лондон, который мы хотим, мы принимаем решение и за других.

Любознательность – лучший подход к истории. Я стараюсь ответить на вопросы, которые всегда интриговали меня и, надеюсь, заинтригуют читателей. Почему Сити всегда так отличался от Вестминстера? Почему Южный Лондон – всего в сотне ярдов за рекой – кажется настолько иным, почти провинциальным? Почему внутренние районы Лондона настолько разнообразны, а внешние пригороды так однолики? Как случилось, что террасная застройка⁵ стала излюбленным стилем жилья для старых и малых, богатых и бедных, и почему современные градостроители настолько враждебно относятся к этой популярной форме, которую к тому же любит большинство архитекторов? Почему высотные здания Лондона разбросаны так хаотично?

Я стараюсь сохранять беспристрастность. Если можно любить то, что делишь еще с девятью миллионами человек, то я люблю Лондон. Меня огорчает отъезд из него и воодушевляет возвращение. Меня всегда завораживают его прославленные виды, открывающиеся с Парламентского холма, моста Ватерлоо или из Гринвича. Если он разочаровывает меня, я сгораю от стыда, а его радости приводят меня в восторг. Лондон призван удивлять и никогда этому призванию не изменяет. Ему свойственна величайшая из человеческих добродетелей: он никогда не бывает скучен.

организаций English Heritage («Английское наследие»), National Trust (Национальный трест), Save Britain's Heritage («Спасем наследие Британии»), Twentieth Century («Общество XX века»). – *Прим. автора.* British Rail – оператор британских железных дорог до 1997 г. Transport for London – организация, управляющая транспортной системой Лондона. Последние четыре упомянутые государственные и общественные организации занимаются охраной исторических памятников. – *Прим. пер.*

⁴ Джентрификация – придание «новой жизни» пришедшим в упадок городским кварталам путем благоустройства и последующего привлечения более состоятельных жителей. Термин «джентрификация» (от англ. gentry – джентри, мелкопоместное дворянство) впервые ввела социолог Рут Гласс как раз на примере Лондона, описывая вытеснение рабочего класса из отдельных районов Лондона средним классом.

⁵ Террасная (рядная, блокированная) застройка – в Великобритании тип малоэтажной застройки, при котором расположенные в ряд однотипные жилые дома соприкасаются боковыми стенами.

1. Лондиниум. 43–410

«Отец Темза»

Большинство городов начинается с воды. Если есть река, озеро или море, есть и торговля; а если есть еще и высокий берег, люди пускают корни и начинают вести дела. Еще до основания Лондона долина Темзы была населена: ее обитатели копали канавы, возводили дамбы, били дичь, выращивали урожай, оставляли нам глиняные горшки и металлические изделия. Но они никогда не сводили глаз с реки.

Темза была не спокойной рекой, а потоком вдвое шире теперешнего, по руслу которого приливная волна с моря проникала в глубь острова. С самых ранних времен Темза, как и большинство рек, считалась священной. Ее олицетворением был похожий на Нептуна старик с волнистыми волосами – «Отец Темза»; имя реки, возможно, происходит от кельтского корня со значением «тьма». Богам реки приносили жертвы: горшки, топоры, мечи, деньги (и сегодня влюбленные бросают монеты в фонтаны на счастье). Помню, в один из поворотных моментов собственной жизни, идя по мосту Ватерлоо, я посмотрел вниз, в реку, и какой-то первобытный инстинкт заставил меня бросить монету в воду.

В доисторические времена на месте Лондона стоял холм с двумя вершинами. Чтобы почувствовать, где находились его склоны, лучше всего отправиться на велосипеде, желательно ночью, на запад от Тауэра. Абрис холма идет вверх по площади Тауэр-хилл, затем вдоль улиц Истчип и Каннон-стрит, откуда переулки круто спускаются к Темзе. В середине Каннон-стрит заметно понижается, пересекая русло прежнего ручья Уолбрук, а затем вновь поднимается на вторую «вершину холма» у собора Святого Павла. Далее от Картер-лейн переулки вновь спускаются к Темзе. За собором идет круто вниз склон холма Ладгейт, пересекая бывшее русло реки Флит, ныне заключенной в подземную трубу. Затем маршрут вновь идет вверх, по Флит-стрит, к улице Стрэнд, в названии которой сохранилась располагавшаяся здесь когда-то полоса прибрежной гальки⁶. Здесь находится Олдвич – по-саксонски «старый порт»; порт этот некогда обслуживал поселение послеримских времен под названием «Лунденвик», приблизительно на месте современного района Ковент-Гарден. На Трафальгарской площади можно нырнуть к болотам Вестминстера или взять направо по улице Хеймаркет и попасть в расположенный выше район Сохо. Мы не увидели древнего Лондона, но ощутили под собственными ногами.

На карте в Музее Лондона этот ландшафт доисторических времен усеян каменными топорами, костями и человеческими черепами, разбросанными среди останков мамонтов, носорогов, бизонов и медведей. Ближайшие так называемые стоянки располагались на более плодородной почве выше по течению, в Аксбридже, Стейнсе, Каршолтоне и Хитроу. К 1-му тысячелетию до нашей эры появляются простые системы севооборота, применявшиеся среди прочего на участке к югу от реки, в Саутуорке. В Баттерси, у предполагаемого брода через реку, найден изящный щит эпохи бронзы.

Судя по всему, в конце железного века Темза служила границей между неизвестными нам племенами. Река служила естественным торговым путем между Северным морем и внутренней частью страны. Что касается самого слова «Лондон», его этимологию объясняют с десятков теорий, наиболее вероятная из которых производит название от кельтского «лонд» – «дикий» или «пловонида» – «быстрый поток». Средневековый историк Гальфрид Монмутский, взяв в пример Рим, объявил, что Лондон основан неким троянцем по имени Брут – потомком Энея,

⁶ *Strand* – «прибрежная полоса», «берег» (англ.).

одного из основателей Рима. Даже в мифе Лондон сохранял свои связи с континентальной Европой.

Римский город

Два похода Юлия Цезаря в Британию в 55 и 54 годах до нашей эры не оставили следов вокруг Лондона. Первый поход представлял собой просто высадку на территории Кента, второй – массированное вторжение на 800 кораблях, которые надолго стали самым крупным флотом, пересекшим Ла-Манш; рекорд был побит только в день высадки союзников в Нормандии, которые, впрочем, пересекали пролив в обратном направлении. Цезарь нанес поражение силам бриттов во главе с Кассивелауном, переправился через Темзу и достиг Мидлсекса. Где именно произошла переправа и какие результаты были достигнуты в ходе вторжения, не вполне ясно. Судя по всему, это была лишь демонстрация силы. Цезарь не оставил в Британии ни постоянной базы, ни войск и отступил в Галлию.

Возвращение римлян в 43 году нашей эры, в правление императора Клавдия, было более убедительным. Армия под командованием Авла Плавтия высадилась в районе нынешнего Ричборо на побережье Кента и отправилась маршем вверх по берегу Темзы. По всей вероятности, по пути к бриттской крепости Камулодун (нынешний Колчестер) они должны были пересечь реку и выйти на возвышенность напротив Саутуорка. Была ли эта возвышенность уже населена торговыми людьми, неизвестно. Но вскоре на ней вырос Лондиниум.

Поселение на переправе, по обеим сторонам ручья Уолбрук, быстро росло. Как и все римские города, оно было спланировано в виде регулярной сетки улиц, ориентированной вдоль дорог, ведущих на восток – в бриттский Камулодун – и на северо-запад, по нынешней Уотлинг-стрит (в той ее части, которая носит название Эджвер-роуд), – в Веруламий (ныне Сент-Олбанс). В центре города, на месте нынешнего рынка «Леденхолл» (Leadenhall), было открытое пространство – форум. К западу от Уолбрука был амфитеатр, обнаруженный в 1988 году под улицей Гилдхолл-ярд.

Улицы строились в римском стиле, дома были в основном прямоугольные, хотя были и круглые хижины, – вероятно, в них жило коренное население. Вдоль реки располагались причалы, куда приставали корабли и привозились грузы. У Тацита есть упоминание Лондиниума как «города, хотя и не именовавшегося колонией [как Камулодун], но весьма людного вследствие обилия в нем купцов»⁷. Это свидетельство подкрепляют найденные в 2010 году под зданием штаб-квартиры *Bloomberg* восковые таблички, датированные 57 годом нашей эры и говорящие о наличии торговли, а также школьного образования и судопроизводства.

Этот первый Лондон просуществовал всего семнадцать лет. В 60 году племена иценов из Норфолка и тринобантов из Эссекса подняли восстание под руководством царицы иценов Боудикки, вызванное тем, что римский губернатор Светоний после смерти мужа Боудикки, союзника Рима, хотел включить земли иценов в свою провинцию. По причинам, оставшимся неизвестными, Боудикка была высечена плетьюми, а ее дочери обесчещены. В ответ воинственная царица собрала большое войско, уничтожила римский гарнизон в Камулодуне, а затем атаковала римлян в Лондиниуме и Веруламии.

В это время войско Светония находилось в походе в Уэльсе, так что губернатор остался без защиты. Те граждане, что не бежали вместе с ним, были убиты, а город стерт с лица земли (археологи обнаружили слой золы, датированный этим временем). Оценки современников в 40 000 погибших кажутся преувеличением, однако они показывают, до каких размеров вырос Лондон за два десятилетия римской оккупации.

На следующий год Светоний собрал силы, вернулся и осуществил возмездие, убив Боудикку⁸.

⁷ Пер. А. С. Бобовича.

⁸ Согласно Тациту, Боудикка после поражения приняла яд.

Стратегическое значение Лондона было настолько велико, что он быстро вернул себе статус самого крупного города на острове, став столицей важной римской провинции Британия. Уолбрук давал городу чистую воду из района Финсбери, а отходы, напротив, смывал в Темзу. На главные улицы выходили римские виллы. Вдоль реки выстроились склады. Первый деревянный мост через Темзу в Саутуорке был построен в начале римской оккупации. В 1981 году в ста ярдах от нынешнего Лондонского моста были обнаружены деревянные сваи, датируемые 80–90 годами. Благодаря мосту дорога из Веруламия – нынешняя Уотлинг-стрит – пересекла реку и стала вести в Кент и Дувр, а Эрмин-стрит шла на север по современной Кингсленд-роуд в Йорк. Они до сих пор остаются единственными улицами в Лондоне, которые идут прямо на протяжении нескольких миль. Что касается моста, ему предстояло на века стать символом лондонской самобытности.

В течение II века Лондиниум продолжал расти. Около 120 года он перенес сокрушительный пожар. При императоре Адриане, который, как считается, посетил город в 122 году, на северо-восточной окраине (ныне район Барбикан) была построена крепость, вмещающая 1000 солдат. Кроме того, в начале III века была возведена полукруглая стена, шедшая на две мили (ок. 3,2 км) от нынешнего Тауэра к устью Флита возле Блэкфрайарса; в стене были пробиты ворота на улицах Ладгейт, Ньюгейт, Бишопсгейт и Олдгейт. В северо-восточном углу стена делала изгиб – здесь, на месте будущих ворот Криплгейт, и располагалась крепость. Если не считать мелких административных изменений, по этой стене и сегодня в основном проходит граница лондонского Сити.

Между тем форум был расширен и стал крупнейшим к северу от Альп. На форум выходила базилика – административное здание, которое, судя по результатам раскопок, было длиннее даже нынешнего собора Святого Павла.

Постепенно за стенами вдоль нынешней Флит-стрит, а также в Холборне, Олдгейте и на южном конце моста в Саутуорке стали вырастать предместья. К концу I века Лондиниум, по оценкам, достиг максимума населения – около 60 000 жителей, что по римским меркам соответствовало крупному городу. О его социуме известно мало, хотя в Музее Лондона в Барбикане можно получить очень хорошее представление о римском Лондоне. Макет в музее рисует живописную картину роскошного быта: мозаичные полы, раскрашенные комнаты, ванны и внутренние дворики. При этом ДНК-анализ показывает, что этот Лондон имел чрезвычайно космополитичное население, стекавшееся сюда со всей Римской империи, в том числе из Средиземноморья и Северной Европы. Эти люди поклонялись своим богам в храмах и капищах, приносили жертвы на берегах Темзы и Уолбрука. Самый значительный из найденных по сей день алтарь посвящен богу Митре и был изготовлен близ Уолбрука около 240 года. Также есть предположения, что под собором Святого Павла могут находиться руины другого храма – возможно, храма Дианы.

Отступление и исчезновение

Причина упадка Лондиниума в V–VI веках – великая тайна лондонского прошлого. Население города начало уменьшаться уже к 150 году. Возможно, что Южная Британия была в основном мирным краем и в столице не нужен был постоянный легион, и солдат разместили на границах с Уэльсом и Шотландией. Судя по всему, имел место отток населения. Нарождающиеся островки романо-бриттской культуры были разбросаны по городам и виллам на прилегающих холмах современных Кента, Суррея и долины Темзы. Лондон был важным портом, но большую часть торговых грузов провинции можно было перевозить и по морю, вдоль побережья. По мере разрушения имперской системы обороны отдаленные провинции, среди которых была и Британия, стали уязвимыми перед вторжениями варваров – в особенности англов и саксов, а правительства этих провинций – перед мятежными полководцами. После охватившего всю страну восстания под руководством Караузия в 286 году римлянам в лице Констанция Хлора, отца Константина Великого, пришлось в 293 году покорять Британию заново. Это привело к новому росту строительства, но ненадолго. Вскоре после 300 года наблюдаются явные признаки того, что город потерял привлекательность для своих обитателей. Здания приходят в запустение, общественными банями больше не пользуются, даже форум заброшен.

Церковь возле Тауэр-хилла, возможно, отмечает приход в Северную Европу христианства (около 300 года). В Арелатском соборе 314 года во Франции принимал участие некий Реститут, епископ «из Лондиниума». Однако к концу века археологические данные говорят о внезапном упадке. По всей вероятности, Лондон стал неприятным для жизни, полуразрушенным, грязным, небезопасным городом, где постоянно бушевали эпидемии. Возможно, вновь прибывающие поселенцы предпочитали жить на более здоровой открытой местности к западу от него.

Наверняка мы знаем только то, что 410 год стал роковым для города. Римской империи со всех сторон угрожали вторгающиеся варвары, сам Рим в этом году был разграблен вестготами под предводительством Алариха. Двадцатишестилетний император Гонорий вывел легионы с окраин империи, в том числе и из Британии. Посланникам, умолявшим о помощи против германских племен, император заявил, что «ради безопасности своих владений в Галлии, Италии и Испании он отказывается от имперских притязаний на Британию»; ее округа и гарнизоны «отныне считаются независимыми... и должны защищать себя сами». Это был первый «брекзит».

Хотя в других частях Британии романо-бриттская культура сохранялась, в Лондиниуме, как представляется, ее развитие оборвалось внезапно. Сколько римлян осталось здесь, на каком языке они говорили, почему они ушли из-под защиты стен – всё это покрыто тайной. Не осталось ни обломков монет, ни предметов быта, ни даже мусора. Это произошло не в результате какого-либо катаклизма, – создается впечатление, что жители просто собрали свои пожитки и ушли. Археологические слои этого времени представляют собой грунт темного цвета, что обычно говорит о том, что территория вновь покрылась обломками камня и почвой. Запустение Лондона продолжалось, судя по всему, два столетия, в течение которых он был заброшенным поселением на холме, подобным Старому Саруму⁹ в Уилтшире. Археологи предполагают, что в стенах крепости могла продолжаться та или иная деятельность, не оставившая следов, – возможно, религиозные ритуалы. Очевидно, этого хватило, чтобы город спустя два века возродился, однако в остальном отношении здесь не было ничего.

Еще мальчиком я попытался обойти по периметру этот давно утраченный город. Тщетные усилия! Часть римской стены до сих пор сохранилась напротив Тауэра, еще одна – вдоль

⁹ Древнее поселение неподалеку от современного города Солсбери.

улицы Куперс-роу на севере. Бастион, перестроенный с использованием средневекового кирпича, сохранился в Барбикане, вдоль дороги Лондон-уолл, еще один – на автостоянке в том же Барбикане. Но это всего лишь фрагменты. Под холмом Хаггин-хилл в стороне от Куин-Виктория-стрит скрываются общественные бани; воду в них некогда подавали с помощью ведер, укрепленных на цепи. Стену этих бань все еще можно увидеть в очаровательном небольшом парке Клиари-гарден. В 1960-х годах сами бани, наряду с другими прекраснейшими руинами римского Лондона, были частично засыпаны, над ними построили офисы. Еще одни бани, куда время от времени можно попасть, расположены под зданием напротив рынка Биллингсгейт. Старинный амфитеатр на месте нынешнего Гилдхолла – ратуши лондонского Сити – сохранился хуже.

В 1954 году при строительстве офисного центра на берегу Уолбрука был обнаружен храм, посвященный Митре. Находка вызвала всеобщее воодушевление, хотя и не настолько большое, чтобы оставить ее на месте. Грудю камней перевезли в палисадник на Куин-Виктория-стрит. В 2017 году в процессе новых работ, связанных со строительством на этом месте Блумберг-центра, камни были возвращены на исходное место, однако теперь их поместили в затемненный ящик в подвале современного здания, отчего они стали напоминать абстрактную скульптуру. Лучше было бы восстановить сам храм, поместив его в соответствующее окружение, – подобно воссозданной «улице викингов» в Йорке, у торгового центра «Коппергейт» (Coppergate). Римский Лондон остается утраченным местом, возбуждающим любопытство, обломком чужеродного мира, далекой страны, потерявшим значение из-за своего внезапного исчезновения.

2. Саксонский город. 410–1066

Интерлюдия: Лунденвик

Период после заката Римской империи называют Темными веками, хотя историки этот термин не любят: он намекает на некую недоработку с их стороны. Однако Лондон после ухода римлян этот термин как раз описывает как нельзя лучше. Бродягам, гуртовщикам да огородникам это место, возможно, и служило жильем, но в течение почти двух веков археологи могут похвалиться только случайно выброшенными предметами, и никакого признака поселения: монет, черепков, мусора, датируемых деревянных изделий – в соответствующих слоях не наблюдается. Пожалуй, наиболее красноречиво говорит о запустении судьба римской сетки улиц. В старых городах, даже переживших упадок, эта сетка обычно сохраняется в контурах современных улиц, но в Лондоне исчезла и она.

В VI–VII веках зарождались королевства саксов – Кент, Эссекс и Мерсия; Темза служила естественной границей между ними. И историк того времени Бёда, работавший в монастыре в Джарроу, и «Англосаксонская хроника» в VII веке уже упоминают новую торговую базу «восточных саксов». Этот городок стал известен как Лунденвик, иначе говоря, «Лондонский порт» или «Лондонский рынок», а позднее его называли Олдвич – «старый порт» (отметим, тогда еще Олдвич был скорее именем нарицательным). Здесь, несомненно, и располагалось «недостающее звено» лондонской истории.

В 1985 году раскопки в районе Ковент-Гарден, к северу от Стрэнда, дали некоторое подтверждение этого тезиса. Археологи Алан Винс и Мартин Биддл, работавшие на разных участках, обнаружили огромное количество находок, датируемых периодом запустения Лондона. Представляется, что в V веке берег Темзы вверх по течению от римского города перехватил его роль как базы для речной торговли; к галечному берегу стали приставать суда.

Свидетельств существования причалов или каменных строений в Лунденвике не найдено. Обнаружены только деревянные столбы, возможно оставшиеся от торгового здания, – как раз под нынешним рынком «Ковент-Гарден» (Covent Garden).

Этим новым лондонцам старый город к востоку должен был казаться зловещими руинами, посещать которые, видимо, следовало только по особым случаям. Писатель Саймон Янг описывает воображаемый визит греческого (византийского) посольства в Лондон в 500 году нашей эры, имевший целью, очевидно, восстановить власть над Британией от имени Восточной Римской империи после разграбления Рима в 410 году. Послы обнаруживают несколько сотен жителей, все еще живущих в пределах стен и управляемых советом престарелых, говорящих на латыни патрициев, которым служат наемники-саксы. Предположение отчасти правдоподобное, но доказательств у нас нет.

Возрождение христианства

Если что-то и объединяет империю прочнее, чем военная сила, то это вера. Наиболее вероятно, что выжившими обитателями опустевшего римского города были остатки христиан. К 410 году христианство было официальной религией Римской империи уже целый век, и несколько отважных романо-бриттов наверняка переходили мост через Флит и взбирались по холму Ладгейт к своим семейным алтарям, как бы ни относились к этому новые лондонские власти – скорее всего, языческие.

Кем именно были эти самые власти и откуда они явились, неизвестно. Историки всегда предполагали, что бритты юго-востока Англии, многие из которых стали романо-бриттами, были кельтами, говорившими на древнебриттском языке, потомками белгов¹⁰. Некоторые фрагментарные письменные свидетельства рассказывают, как бритты были атакованы ютами, одним из многочисленных германских племен, вторгшихся в Британию после ухода римлян. Упоминается, что около 457 года они искали укрытие в древних городских стенах. Другие историки оспаривают эту концепцию внезапного вторжения германцев в кельтскую Англию. Германские племена из-за Северного моря селились на восточном побережье Британских островов издавна. Ицены и тринобанты Восточной Англии, а также кентские племена, возможно, даже говорили на одном из германских языков, а не на древнебриттском – языке западной и северной частей островов. Топонимы вокруг Лондона в подавляющем большинстве саксонского, а не бриттского происхождения: вместо названий, кончающихся на «-абер», «-тор», «-торп», – саксонские суффиксы «-вик» (порт), «-си» (остров), «(—х)эм» и «-тон» (усадьба). Гринвич, Далич, Бермондси, Баттерси, Клапем, Стретем, Кенсингтон, Далстон – все это саксонские названия. В Восточной Англии и на юго-востоке страны издавна селились ветераны-легионеры из Германии. От кельтов-бриттов не осталось и следа.

В конце VI века мрак неизвестности рассеивается, и появляется еще одна весьма памятная дата. С миссии Августина в Кентерберии в 597 году начинается возвращение Англии к Риму, но уже иному – Риму католической церкви. Августин обратил в христианство короля Кента Этельберта (годы правления – ок. 589–616), однако примечательно, что папа римский Григорий Великий повелел разделить новую епархию на две – с центрами в Йорке и Лондоне. Поселение Лондон находилось на землях Эссекса, чей король Саберт был племянником Этельберта и его вассалом. Так как Саберт теперь принял христианство, вопрос о лондонской епархии был, по-видимому, решен. В 604 году папа Григорий своим письмом назначил первым лондонским епископом Меллита, который, в свою очередь, основал собор Святого Павла – возможно, на месте римского языческого храма, а может быть, и на месте ранней христианской церкви.

Однако епископский сан Меллита оказался непрочным. После смерти Саберта в 616 году власть над Эссексом перешла к королю Редвальду (у власти ок. 600–624), и духовный авторитет Кента пошатнулся. После отказа Меллита дать причастие некрещеным жителям Лондона вспыхнул спор, и Меллит был изгнан (предвестие будущего инстинктивного стремления Лондона к независимости). Меллит, скрывшийся в Галлии, вернулся в 619 году, но не в Лондон, а в Кентерберии, где стал третьим архиепископом. Таким образом, именно Кентерберии, расположенный в сердце христианизированного Кента, а не выбранный Григорием Лондон стал в конечном итоге центром английской церкви и остался таковым до наших дней.

Возрождение христианства в Эссексе началось, как представляется, с прибытием с острова Линдисфарн Кедда, назначенного лондонским епископом (в должности ок. 654–664). Уроженец Нортумбрии Кедд был направлен миссионером на юг и основал монастырь в Брэ-

¹⁰ *Белги* – группа племен, населявшая Северную Галлию (территория современной Северной Франции и Бельгии, получившей от белгов свое название). Различные племена белгов не раз переправлялись через пролив и расселялись в Британии.

дуэлле, в Эссексе, который и сегодня стоит в гордом одиночестве на пустынном участке побережья. Это один из самых трогательных и малоизвестных раннехристианских памятников Англии. Преемником Кедда был Вине (666–672), ранее епископ Дорчестера и Винчестера, а следующим на должности стал Эркнвальд (675–693), официально признанный святым покровителем Лондона. Город теперь принадлежал (и вплоть до IX века будет принадлежать) занимавшему центральную часть Англии королевству Мерсии; мерсийским он был, в частности, при короле Оффе (757–796).

Для Оффы, чья столица была в Тамуэрте, Лондон представлял собой «окно в Европу», открывая возможности дипломатических контактов с Карлом Великим и франками. Старый город, без сомнения, снова был населен, в него возвращались жители, стремившиеся поселиться под защитой стен. Оффа, как считается, имел своего рода временную резиденцию на месте римской крепости, а на месте нынешней церкви Святого Албана на Вуд-стрит (возле Барбикана), предположительно, была королевская часовня.

Саксы и даны

Через считанные годы после смерти Оффы в 796 году и Карла Великого в 814 году на северном горизонте Европы появилась новая угроза. Положение Лондона как торгового города делало его уязвимым перед набегами викингов, разорявших восточное побережье. В конце жизни Карл Великий говорил: «Душа моя скорбит смертельно, ибо я смотрю в грядущее и вижу, сколько зла принесут северяне моим потомкам и их народу». Впервые даны напали на Лондон в 830-х годах, а в 851 году город был взят и предан огню и мечу. Однако Этельвульф, король Уэссекса (839–858) и отец Альфреда Великого, нанес сокрушительный ответный удар: как гласит «Англосаксонская хроника», убито было «великое множество язычников – доселе мы о другом таком сражении не слышали»¹¹. Однако Лондон не был в безопасности до того, как Альфред в 878-м победил данов в битве при Эдингтоне в Уилтшире. Он занял Лондон в 886 году, а данам пришлось поселиться в так называемой области датского права Денло, располагавшейся на территории Восточной Англии и Нортумбрии.

О Лондоне, восстановленном Альфредом Великим (871–899), наши знания скудны. Хотя он, несомненно, в качестве торгового поселения имел определенную важность, это был уязвимый пограничный город на северной окраине Уэссекса, не раз подвергавшийся разрушениям со стороны данов и в результате сильно обедневший. Сама область датского права начиналась у реки Ли, всего в четырех милях (ок. 6,4 км) к востоку от города.

Как бы то ни было, Альфред отстроил стены и восстановил город в качестве одного из своих саксонских бургов (укрепленных городов). Всерьез возобновилась торговля с континентом. Для разных групп товаров, поступавших из Нормандии, Фландрии, Германии и балтийских портов, предназначались свои отдельные причалы. Кроме того, Альфред официально «привязал» лондонские рынки к новой сетке улиц. Главные рынки располагались вдоль улиц Истчип, Поултри и Чипсайд¹².

Судя по всему, сетка улиц, проложенных Альфредом, в значительной мере отличалась от той, что существовала в Лондиниуме, – по всей вероятности, Альфред взял за основу улицы, сформировавшиеся с течением времени. Чипсайд и Грейсчерч-стрит остались от пересекавшихся под прямым углом улиц римских времен. Остальные «стриты», «лейны», «корты» и «аллеи» прокладывались там, где их удавалось втиснуть между земельными участками. Они обеспечивали право проезда и тем самым приобрели практически священный статус, который сохранили до сих пор. Из всего, что осталось от древнего Лондона, земельные инспекторы Сити признают только извивающиеся улицы эпохи Альфреда. Пусть ради строительства небоскребов сносятся здания и портятся виды, но и самым могучим из них приходится втискиваться в поземельные планы, установленные королем Альфредом. В сердце нынешней столицы мы все еще можем видеть призрачный контур карты саксонских времен.

Прообразом администрации Лондона стал совет старейшин наряду с народными собраниями – фолкмутами, восходившими, судя по всему, к племенным собраниям германцев. Народные собрания проходили на руинах римского амфитеатра. Заметим, что присутствие на них было обязательным для всех свободных граждан. Кроме того, проходили регулярные заседания суда, называвшиеся датским словом «хустинг»; обычно на хустинге решались торговые вопросы, чем и объясняется скандинавское происхождение термина. Альфред также разделил город на округа, каждому из которых подчинялось несколько церковных приходов; в обязан-

¹¹ Пер. З. Ю. Метлицкой.

¹² Названия всех трех улиц «говорящие»: из названия улицы Поултри понятно, что продавали там продукцию птицеводства (от англ. poultry – домашняя птица); «чип» в названиях Истчип и Чипсайд происходит от древнеанглийского слова sear со значением «рынок».

ности администрации округа входило поддержание общественного порядка и вопросы «социальной политики» – в той мере, в какой таковая вообще имела место. Каждый округ должен был поставлять людей и вносить средства для защиты города. Эти органы развивались медленно, с течением веков, однако благодаря им Лондон уже в зародыше пользовался некоторой степенью самоуправления.

Лондон недолго наслаждался покоем. Нападения данов продолжались в течение всего X века. Городу, защищенному стенами, удавалось отбить большинство из них, но нередко от захватчиков приходилось откупаться, выплачивая так называемые датские деньги. В 1002 году Этельред, прозванный Неразумным (978–1016), попытался положить нападениям конец, повелев убить всех данов в своих владениях. Одной из погибших в «резне в День святого Брайса» стала сестра короля Дании Свена Вилобородого, самого выдающегося из вождей викингов той эпохи. Свен был не из тех, кто после подобного склонился бы к миру.

Из английских поселений только Лондон смог оказать данам вооруженное сопротивление, но и он пал перед Свеном. В 1014 году Этельред попросил Олафа II, короля христианской Норвегии, не питавшего к Дании дружеских чувств, помочь в отвоевании столицы. Викинги Олафа, по легенде, вырвали сваи Лондонского моста и разрушили мост, что позволило его кораблям пройти выше по течению и отвоевать город у Свена. История о разрушении моста ради освобождения Лондона, возможно, легла в основу популярного английского детского стишка «Лондонский мост падает» (*London Bridge is Falling Down*). В одной норвежской саге стишок продолжается так:

Лондонский мост падает,
Конь ушами прядает,
Бревен грохот, рога рокот...
Олаф в битве победил!¹³

Но Лондон оставался уязвимым, и в 1015 году Кнут, сын и наследник Свена, вторгся в Британию с большим войском, а год спустя вступил в Лондон и стал королем Англии (1016–1035). Город стал частью скандинавской империи Кнута и оставался ею до его смерти.

Для королей Англии саксонского происхождения политической столицей был Винчестер – там они короновались, там их хоронили, там они держали казну. При Кнute вперед вырвался Лондон. Благодаря активной торговле он стал финансовым центром, в том числе налоговым; здесь же чеканилась монета. Лондон финансировал и войско Кнута. В свою очередь, торговля с Балтикой и Скандинавией процветала; купеческие корабли, проплыв через Северное и Балтийское моря, заходили в крупные реки Руси, спускаясь затем к Киеву, попадая в Черное море, доплывая до Византии.

Империя Кнута была христианской и лояльной Риму. Предполагается, что число лондонских церквей ко времени смерти монарха достигло двадцати пяти; в их число, вероятно, входило и шесть церквей, позднее посвященных освободителю города Олафу – норвежскому королю, причисленному к лику святых, а также церковь Святого Мученика Магнуса (сына Олафа). Название улицы Тули в Саутворке восходит к искаженному названию церкви Святого Олафа. Название церкви Святого Климента Датского, возможно, связано с тем, что некогда это

¹³ Автор цитирует весьма вольный перевод на английский язык отрывка из сборника саг «Круг Земной» Снорри Стурлусона, опубликованный в еженедельной развлекательной газете *The Mirror of Literature, Amusement, and Instruction* («Зерцало литературы, развлечения и учения») в 1823 году. Судя по всему, автор перевода сознательно отталкивался от известного ему с детства стишка. Для сравнения – русский перевод того же стихотворного отрывка из «Круга Земного», выполненный в соответствии с отечественной традицией перевода древнескандинавской поэзии: «Орешник пороши / Стрел, мосты разрушив / Лундуна, владенья / Вы отвоевали. / Потрудились в битве / Славно тарчи, старой – / Рос шум Грима – стали / В прах стирались жала. (Пер. О. А. Смирницкой, цит. по: *Стурлусон С. Круг Земной*. М.: Наука, 1980.)

была церковь датского гарнизона или датских купцов, живших за пределами стен, в Олдвиче. Эти имена, словно редкие вспышки, освещают минувшую эпоху иноземных правителей, когда Лондон располагался далеко на периферии новой империи.

Новый город на западе

После смерти Кнута, наступившей в 1035 году, корона в конечном итоге перешла к его пасынку Эдуарду Исповеднику (1042–1066). Эдуарда воспитала во Франции мать Эмма Нормандская, жена сначала Этельреда (отца Эдуарда), а затем Кнута. Для лондонцев Эдуард был таким же чужаком, как и Кнут. Он говорил на нормандском диалекте французского языка и привез с собой обычаи и моду Нормандии, в которой вырос. Но самое главное, он сделал своей резиденцией не саксонский Лондон, а небольшое бенедиктинское аббатство (настолько небольшое, что его называли *monasteriolum*, в переводе с латинского «монастырёк») выше Олдвича по течению Темзы, на болотистом острове Торни.

Здесь Эдуард построил «западную церковь» (*west minster*) в новом романском стиле, а в качестве архиепископа Кентерберийского привез Роберта из нормандского аббатства Жюмьёж. Церковь имела в длину 98 метров и была больше всех известных нормандских церквей того времени. Рядом с церковью был возведен новый монастырь, а к востоку от него Эдуард построил для себя и своего двора дворец с видом на реку. Прежний королевский квартал в старом Лондоне близ собора Святого Павла был отдан монастырю Святого Мартина – Сент-Мартин-Ле-Гранд, основанному около 1056 года. Именно это решение – вынести центр власти над Англией за пределы Лондона – оказалось самым важным в истории города. Оно создало своего рода вторую столицу – средоточие политической власти, отделенное от местопребывания коммерции и торговли. Подобное разделение франкоговорящего двора и англо-датского торгового центра неизбежно должно было привести к конфликту – и вскоре конфликт разгорелся.

В 1051 году Годвин Уэссекский, главный советник Эдуарда, обладавший большим политическим влиянием, несмотря на англо-датское происхождение, был отправлен в ссылку вите-нагемотом – королевским советом, состоящим преимущественно из нормандцев. Год спустя на волне антинормандских настроений Годвин вернулся, а его сын Гарольд стал начальником войска и де-факто правителем королевства. После смерти Эдуарда в 1066 году Гарольд был объявлен его преемником. Он был братом королевы и главнокомандующим армией, но других оснований претендовать на престол у него не было. Герцог Нормандский Вильгельм объявил, что Эдуард назначил его наследником, и сам Гарольд, несколькими годами ранее потерпев кораблекрушение в Нормандии, согласился на это. Война за престолонаследие стала неизбежной.

От раннесредневекового Лондона в наши дни осталось немногим больше, чем от римского Лондиниума. В церкви Всех Святых у Тауэра имеются фрагменты, относящиеся ко временам, предшествующим нормандскому завоеванию; во время недавних археологических раскопок найдена оригинальная каменная кладка из монастырских кварталов к югу от Вестминстерского аббатства. Самое очевидное из того, что осталось, – это хребет Лондона, дорога, выходящая на протяжении двух миль (ок. 3,2 км) от современного Сити через долину реки Флит и вдоль Стрэнда в Вестминстер. С основания Эдуардом нового аббатства эта дорога стала фактическим и метафорическим каналом, связывающим власть и деньги. Ее так и не перестроили в широкий и красивый проспект – ни в церемониальных, ни в каких-либо иных целях. Она так и осталась обычной улицей. Однако и в те годы, когда она была грязной колеей, и в те годы, когда она была артерией Британской империи, она шла, как туго натянутая струна, вдоль берега Темзы. Сегодня по ней ходит автобус номер 11, и, когда я еду в нем, я не могу не ощущать политической напряженности, исходящей от этой дороги.

С этого времени история Лондона превращается в повесть о двух городах, в каждом из которых были свои предрассудки, племенные группы, интересы, влиятельные круги и стили управления. Вестминстер пользовался монархической властью, а в Лондоне сосредоточилась

власть тугих кошель и рыночной экономики. Ни один из них не победил другого, хотя в ходе развития столицы капитал чаще одерживал верх. Будучи старшим из двух, лондонский Сити получил право на заглавную букву «С». В следующих главах я буду называть его просто Сити, а Вестминстер – Вестминстером, хотя и он позднее приобрел статус «сити», то есть города¹⁴.

¹⁴ В Великобритании статус city населенному пункту дарует монарх. На 2015 год в стране всего 69 городов страны имели право официально именоваться city.

3. Средневековый мегаполис. 1066–1348

Нормандское завоевание

Едва лишь витенагемот в Лондоне провозгласил Гарольда королем, как власть его стали оспаривать два соперника: король Норвегии Харальд Суровый и герцог Нормандии Вильгельм, прямой потомок датчанина Роллона, первого викингского правителя этой части Франции. Оба претендента готовили вторжение в Англию, желая отнять у Гарольда корону. В том же году Гарольд разбил Харальда Сурового близ Йорка; сам норвежский король погиб в битве. Но Гарольду пришлось сразу же мчаться на юг, чтобы остановить Вильгельма, который высадился у города Певенси, в Сассексе. Гарольд выступил из Лондона, не успев собрать всю свою армию; вскоре он был разгромлен конницей Вильгельма и погиб в битве при Гастингсе. Это случилось в октябре 1066 года – дата, навеки ставшая самой знаменитой в английской истории.

Битву при Гастингсе в школьных учебниках истории изображают как сражение англичан с французами, но на самом деле это была схватка между двумя одинаково сомнительными претендентами на английский престол – одним англо-датского происхождения, другим датско-нормандского. В результате этой борьбы «люди севера», известные со времен Карла Великого, вышли на европейскую арену. После победы при Гастингсе Вильгельм отправился маршем к Лондону, обеспокоенный его мощными укреплениями. Он сжег Саутуорк, но переправиться через Темзу не смог и двинулся вверх по течению до самого Уоллингфорда, где повернул к востоку, уничтожая городки и деревни на своем пути. В Беркемстедке видные горожане Лондона, вынужденные «необходимостью», наконец изъявили ему свою покорность; среди них был Эдгар, юный преемник Гарольда. Вильгельм обещал быть «милостивым господином». Что до самого изъявления покорности, «Англосаксонская хроника» замечает, что со стороны горожан «было великим безумием не сделать того ранее».

Вильгельм короновался в Рождество 1066 года, подчеркнув законность своих претензий на трон тем, что церемония прошла в построенном Эдуардом Вестминстерском аббатстве, а не в Винчестере. Теперь необходимо было вознаградить за помощь нормандскую знать, представители которой считали завоевание Англии частным делом Вильгельма (а значит, не были обязаны помогать ему, подчиняясь вассальной клятве). Чтобы заручиться их поддержкой, Вильгельм еще до отплытия обещал им богатства саксонской Англии. Первоначально планировалось просто взимать штраф с тех, кто сражался на стороне Гарольда, но в конечном итоге это вылилось в крупнейший передел земель в английской истории. По оценкам, 95 % английской провинции к югу от реки Тис перешло от саксонской знати и церкви в руки нормандских завоевателей.

Владения приблизительно 4000 графов, танов и аббатов были распределены среди 200 нормандских баронов. Все это было записано в Книгу Страшного суда, составленную в 1086 году. На северо-востоке страны вспыхнуло восстание, жесточайшее подавление которого вошло в историю как «разорение Севера».

Лондон был исключением. В остальной Англии восстания, вызванные в первую очередь «утратой отеческих владений», вспыхивали в следующие два года, однако в Лондоне подобного почти не происходило: по особому указу город не затрагивали карательные экспедиции Вильгельма, и ему была дарована хартия, подтверждавшая его привычные права и привилегии. Вильгельм гарантировал сохранность наследного имущества лондонцев и заявил: «Я не потерплю, чтобы какой-либо человек причинил вам зло». Таким образом, дипломатичная политика Вильгельма обеспечила Лондону автономию. Была признана власть его саксонских старейшин и фолкмута; к этому времени уже устоялось деление города на округа и приходы.

Лондон мог выбирать своих собственных шерифов и устанавливать собственные нормативные акты, в первую очередь относящиеся к торговле. Хотя бывшие саксонские аббатства стали владением французских монастырей, сохранившиеся в записях имена крупных лондонских землевладельцев остаются саксонскими еще в течение немалой части следующего века.

Город коммерции

На деле Лондон уже тогда был по характеру космополитичен. Его основателями были выходцы с континента, говорившие на латыни; за ними пришли англосаксы, имевшие германское происхождение, и даны-скандинавы, и вот теперь город подчинялся франкоговорящим нормандцам. Население города составляло около 25 000 человек – примерно столько же, сколько в Брюсселе и Генте, хотя и куда меньше, чем в Париже, где жило 100 000. И население это процветало. Названия улиц отражают их торговое предназначение и говорят о том, что продавались здесь не только ткани, хлеб, птица, рыба да каменный уголь, но и импортные товары: шелк, кожа, меха и драгоценные металлы. В городе была и Фиш-стрит – Рыбная улица, и Поултри – Птичья. Самыми богатыми купцами были торговцы шелком и бархатом, бакалейщики, галантерейщики и виноделы.

Из этих рынков выросли монополии и гильдии, со сложными условиями вступления и приема в подмастерья, своими правилами, позволявшими поддерживать качество и держать в стороне чужаков – кроме чужаков с деньгами в мошне или ценным ремеслом за плечами. У гильдий были свои «тайны», то есть секреты мастерства, на которые еще в годы моей юности ссылались старые печатники с Флит-стрит. Это были не просто товарищества по коммерции и ремеслу: для их членов это была система пожизненного социального страхования. Так как вступление к гильдию вело в конечном итоге к получению статуса свободного горожанина, гильдии фактически регулировали права гражданства и доминировали в вопросах городского управления.

Таким образом, «общественный договор» Лондона с государством нормандцев сформировался уже в первые годы после завоевания. В результате Вильгельм получил доход от налогов, а Лондон – автономию во внутренних делах. Однако, хотя Вильгельм и признавал этот договор, он не оставил Сити иллюзий относительно того, кто здесь главный. По его приказу на границах Сити были построены три укрепления: на холме Ладгейт – замок Монфише, в устье реки Флит – Бейнардс, а в углу, направленном к морю, – внушительная башня, первоначально деревянная, затем каменная, побеленная известью и названная Белой башней. Последняя оставалась вне юрисдикции Сити, но само ее существование служило знаком признания Лондона как государства в государстве. Замки Бейнардс и Монфише были разрушены при короле Иоанне в XIII веке, а земли отданы доминиканскому монастырю, получившему название «Блэкфрайарс» по цвету монашеского облачения¹⁵. Сегодня на этом месте блистает украшениями в стиле ар-нуво паб «Блэк Фрайар» (Black Friar).

Завоевание Англии Вильгельмом не состоялось бы без поддержки папы римского, посланное которым знамя было с ним в битве при Гастингсе. Эта поддержка была вознаграждена сполна. Англию охватил поразительный бум не только военного, но и церковного строительства. На протяжении полувека после завоевания нормандцы перестроили почти все саксонские соборы, аббатства и церкви. Они строили новые замки и монастыри и селили в них привезенных из-за моря рыцарей и аббатов, создавая новую аристократию. Старый саксонский собор Святого Павла был перестроен после пожара в 1087 году и сегодня является одним из старейших кафедральных соборов Европы. В 1097 году Вильгельм Рыжий, сын Вильгельма Завоевателя, построил огромный Вестминстер-холл – опять-таки, как говорили, самый большой из существовавших тогда. Он и сегодня остается свидетельством инженерного дела XI века, хотя его крыша относится к более позднему времени. Ничто в европейской истории не могло сравниться с этой строительной вакханалией. Деревянные церкви, замки и особняки перестраивались в каменные; камень привозили главным образом из Нормандии.

¹⁵ Англ. Black Friars – «черные монахи».

Лондонцы относились скептически к верховной власти королей, но не к церкви. Они бывали независимыми, резкими, жадными до денег, вспыльчивыми, но всегда оставались набожными. В нормандском Лондоне было построено 126 церквей, не считая тринадцати часовен в монастырских владениях. Новые церкви и монастыри нередко разделяла всего сотня ярдов, и у каждой церкви были свои заказчики: епископы, бароны, купцы, гильдии, стремившиеся таким образом получить точку опоры в Сити.

Возле улиц Бишопсгейт и Олдгейт были построены аббатства. В 1123 году за городской стеной на северо-западе, в «чистом поле» (отсюда название района Смитфилд – от англ. *smooth field*), вырос приорат Святого Варфоломея. Рыцари-иоанниты прибыли в район Кларкенуэлл около 1145 года и остались там навсегда. Сегодня их общество управляет рядом служб скорой помощи. Их товарищи по оружию – тамплиеры – поселились чуть в стороне от Флит-стрит, но в XIV веке орден был разгромлен, а его богатства конфискованы. В наше время эти земли стали вотчиной юристов¹⁶, но круглая церковь, вдохновленная храмом Гроба Господня в Иерусалиме, все еще стоит. Дальше на север были построены приораты Святой Марии – Сент-Мэри-Спитал и Святой Марии Вифлеемской – Сент-Мэри-Бетлехем. К югу от Лондонского моста, в Бермондси и Саутворке, уже задолго до того обосновались монашеские общины.

Подобная коалиция церковной и светской власти определяла политику Сити в течение всего Средневековья. Когда во время гражданской войны 1135–1153 годов корону друг у друга оспаривали Стефан и Матильда¹⁷, фолкмут Сити принял решение в пользу Стефана, хотя Матильда короновалась в Винчестере. Во время спора за власть над церковью между Генрихом II и архиепископом Томасом Бекетом Лондон сохранял нейтралитет. Хотя Бекет был лондонцем (а позже его памяти посвятили часовню на Лондонском мосту), до его политической борьбы городу дела не было. Лондон инстинктивно старался стоять над схваткой, если, конечно, один из ее исходов не сулил городу выгоды.

К концу XII века в Сити сформировался управляющий совет из двадцати четырех олдерменов округов. Власть в столице воплощали не монарх, не полководец и не какое-либо военное учреждение – власть здесь принадлежала организованной торговле. Совет олдерменов наложил запрет на соломенные крыши, а также приказал строить трактиры, где часто вспыхивали пожары, из камня. В 1209 году под руководством священника Питера Коулчерча был перестроен Лондонский мост. Это был предмет гордости Сити, чудо средневековой техники. Мост насчитывал девятнадцать заостренных арок, воздвигнутых на подножиях-волнорезах двадцать футов (ок. 6 м) шириной, вкопанных в дно реки и на протяжении веков укреплявшихся. В итоге речной поток с каждой сменой прилива и отлива превращался в настоящий водопад. Двадцатая арка была шире других, ее верх был подъемным. Мост был исключительно прочен; об этом говорит то, что позднее на нем строили дома высотой до пяти этажей. Он многократно ремонтировался и стоял до 1820-х годов.

В 1189 году Лондон впервые избрал мэра (название этой должности французское и происходит от слова «мажордом» – так назывался главный управляющий замка¹⁸). До 1212 года должность занимал Генри Фиц-Эйлвин. На него пала обязанность собрать деньги на выкуп короля Ричарда Львиное Сердце из австрийского плена после Третьего крестового похода. После смерти Ричарда король Иоанн (1199–1216) официально даровал Сити право избирать

¹⁶ Территорию исторического района Темпл, принадлежавшую тамплиерам, сегодня занимают судебные инны (адвокатские корпорации) Миддл-Темпл и Иннер-Темпл – две из четырех адвокатских корпораций, к которым обязан принадлежать любой полноправный адвокат (барристер).

¹⁷ Конфликт разгорелся после смерти короля Генриха I, когда английским королем был избран его племянник Стефан Блуасский. Часть аристократии поддержала Матильду, дочь Генриха I. После продолжительной борьбы Стефан в 1153 году признал своим наследником сына Матильды Генриха Плантагенета, который в следующем году вступил на английский престол и основал династию Плантагенетов. В английской историографии период известен под названием «Анархия».

¹⁸ Изначально от лат. *major domus* – «старший в доме».

мэра в надежде заручиться поддержкой Сити против баронов, многие из которых подняли открытый бунт, возмущенные королевскими налогами, а также войной во Франции. Тщетная надежда! На лугу Раннимид, где была подписана Великая хартия вольностей, Сити занял сторону баронов, завоевав ряд сформулированных в хартии прав и свобод. Так, статья 41 гласила: «Все купцы имеют право свободно и безопасно въезжать в Англию, выезжать из Англии, пребывать в Англии и ездить по Англии, как сушей, так и по воде, покупать и продавать безо всяких незаконных пошлин, в соответствии со старинными и справедливыми обычаями». Европе предстояло стать единым рынком, а король не должен был своей властью в ущерб торговцам заключать договоры и даровать кому-либо привилегии.

Как и в Венеции, еще одном великом торговом городе, лондонцы считали, что губительно для коммерции надолго передавать слишком много власти в руки одного человека, поэтому срок полномочий мэра в конечном итоге был ограничен всего одним годом. Избирателями могли быть «благоразумные полноправные граждане... наиболее богатые и мудрые, как принято исстари». Как правило, мэрами становились выходцы из именитых олдерменских семейств, имевшие связи с главными гильдиями. Это была не демократия, а олигархия. Сити ежегодно в знак почтения «представлял» своего мэра королю: члены гильдий выходили из Сити и шли торжественной процессией по Стрэнду в Вестминстер – от этой церемонии ведет свое начало нынешний «парад лорд-мэра». За то или иное место в процессии часто разгорались нешуточные споры. Конфликт между портными и кожевниками по вопросу о том, какая из гильдий должна идти в процессии шестой, по одной из версий, дал жизнь идиоме *at sixes and sevens*, означающей «полный беспорядок». В 1515 году этот спор был разрешен путем соглашения: гильдии договорились ежегодно меняться (так они и делают до сих пор). Парад, изначально бывший демонстрацией смирения и подчинения, стал способом состязаться в показной роскоши. Здесь богатство ежегодно хвасталось своей властью перед властью политической, это было ежегодное упражнение для богачей Сити, напоказ напрягавших финансовые мускулы.

Генрих III: опасный бунт

Лондону не очень нравилось быть казначеем Плантагенетов – не в последнюю очередь из-за того, что королевское бряцание оружием обходилось дорого и не сулило ничего хорошего для коммерции. Борьба Генриха II с церковью, необходимость выкупать из плена его сына Ричарда I, дорогостоящие поражения короля Иоанна во Франции и его же война с баронами – все это только вредило торговле. В царствование его преемника Генриха III (1216–1272) тоже не прекращались раздоры. Воспитанный во Франции король считал Лондон культурной провинцией, нуждающейся в свежем влиянии. Он мечтал играть важную роль в европейской политике и пригласил в Англию с континента новые монашеские ордена: в 1221 году – доминиканцев, а в 1224 году – францисканцев. Когда в 1236 году Генрих женился на 13-летней Элеоноре Прованской, девушка прибыла в Лондон в сопровождении французского короля и «всего цвета рыцарства и красоты Южной Франции, величавой свиты из знатных кавалеров и дам, менестрелей и жонглеров», как сообщает хронист. Многие члены этой свиты надеялись получить в дар какое-нибудь английское поместье или епископскую кафедру.

Приезд Элеоноры пробудил в лондонцах самые ксенофобские инстинкты. Ее судно, проплывавшее вверх по Темзе, забрасывали гнилыми овощами. Бароны и власти Сити протестовали против использования при дворе «чужого» провансальского языка вместо «английского» (под которым они понимали нормандский диалект французского). Не примирил лондонцев с Генрихом даже устроенный в Тауэре первый в истории города зоопарк с медведем, носорогом, слоном, львами и змеями. Стоимость посещения составляла одну кошку или собаку, которые должны были служить кормом для животных.

Безусловным авторитетом для Генриха был его дальний предок-франкофил Эдуард Исповедник. Для увековечения его памяти Генрих перестроил Вестминстерское аббатство, где предусмотрел и гробницы для себя и своей семьи – все в новом французском готическом стиле. Этот проект потребовал сбора грабительских налогов не только от Сити, но и от двора. Генрих объявил, что не следует «взвешивать расходы, прошедшие или будущие, если постройка окажется достойной Бога и святого Петра и угодной им». Этот взгляд на государственные расходы, и в последующие времена не чуждый ряду монархов и правительств, Сити не разделял.

Решение Генриха в 1245 году провести в Вестминстере две ежегодные ярмарки купцы Сити расценили как акт враждебности. Члены гильдий бунтовали на улицах и посылали вооруженные отряды в поддержку Симона де Монфора, восставшего против короля. В битве при Льюисе (1264) Монфор одержал победу; Генрих был взят в плен. В следующем году в Вестминстере собрался первый независимый парламент, хотя его работа и закончилась хаосом. Беспорядки и преследования царили в стране; во время одного из ничем не спровоцированных погромов толпа убила 400 евреев. Хронист Томас Уайкс был потрясен. «Хотя на них не было знака нашей веры, – писал он, – было бесчеловечным и нечестивым делом такое убийство безо всякой причины».

В этот раз Сити неверно оценил политическую ситуацию и дорого заплатил за поддержку, оказанную Симону де Монфору. После поражения Монфора в битве при Ившеме (1265) было конфисковано имущество шестидесяти именитых горожан; еще большее число было наказано штрафами, хотя позднее многие штрафы были отменены. Неудивительно, что после смерти Генриха олдермены приложили все усилия, чтобы роскошно отпраздновать коронацию Эдуарда I (1272). На банкете в Вестминстер-холле подавали лебедей, павлинов, шук, угрей, лососей; было заколото шестьдесят коров и сорок свиней. В самом Сити из фонтанов Чипсайда попеременно било то красное, то белое вино.

Разносторонняя столица

Правление Эдуарда, несмотря на оказанный ему приветственный прием, ознаменовало начало эпохи постоянных конфликтов Сити и монарха. Эдуард укрепил Тауэр, объявил незаконными ряд гильдейских запретов, нацеленных на ограничение конкуренции, а для поддержания порядка водворил в Гилдхолле своих шерифов. Правовые вопросы в Сити вошли в юрисдикцию королевских судов. Кроме того, король потребовал открыть доступ в совет олдерменов для более широких слоев ремесленников так называемого среднего класса. Своей властью он выдавал разрешения на торговлю иностранным купцам, к вящему недовольству Сити. Наконец, в 1290 году Эдуард изгнал из Англии всех евреев, чтобы не платить им по долгам короны. За немногим исключением, евреи не возвращались в Англию до эпохи Оливера Кромвеля, то есть почти четыре столетия. Евреев отчасти заменили хлынувшие в Англию итальянские банкиры, давшие свое имя Ломбард-стрит. А купцам Ганзейского союза был предоставлен свой укрепленный квартал – Стил-ярд на берегу Темзы.

Как и позднее не раз случалось в истории Лондона, травматические отношения с монархом привели к пересмотру и осовремениванию гильдейских запретов, действовавших в Сити, и подстегнули конкуренцию. Главной продукцией, питавшей экономику Лондона, да и всей Англии, стала теперь шерсть. Ее традиционно вывозили через Лондон на оптовые рынки континента, однако на эти рынки приплывали и корабли из Халла, Бостона в Линкольншире, Кингс-Линна и Саутгемптона. Многие из этих кораблей шли напрямик во Фландрию. Разрешения и налоги на эту торговлю были королевской прерогативой.

Все это только усиливало интенсивность обмена денег на власть, шедшего между Сити и монархом. Эдуард I был королем-воином, а для сражений, особенно в Уэльсе и Шотландии, ему необходимы были деньги. Время от времени для установления новых податей он созывал парламент, что дало этому органу рычаг влияния на него. Благодаря этим податям положение Сити стало таковым, что его власти смогли торговаться за права и привилегии с Вестминстером. В результате в течение всего XIV века трем Эдуардам приходилось завоевывать лояльность Лондона в переговорах. Воинственность Плантагенетов, стоившая им немалых денег, стала ключевым фактором появления в английском государственном строе двух уравновешивающих друг друга центров власти. В своем богатстве монарх не был независимым.

4. Эпоха Чосера и Уиттингтона. 1348–1485

Чума и восстание

Мы не располагаем картой или изображением средневекового Лондона, и впечатление о нем приходится строить исходя из позднейших свидетельств. Предполагаемая численность его населения – около 80 000 человек – тоже результат догадки. При этом Париж и другие крупные европейские города – Амстердам, Венеция, Неаполь – все еще превосходили Лондон по численности населения. А в Константинополе жило более 400 000 человек. Лондон оставался укрепленным поселением, состоявшим в основном из домов с деревянным каркасом на кирпичном фундаменте. Только самые роскошные дома и церкви были каменными. По улочкам и внутренним дворам бежали ручейки нечистот, воздух был наполнен тлетворными запахами, и примитивная служба вывоза отходов не очень облегчала ситуацию. Из-за постоянных болезней средняя продолжительность жизни в Средние века была невелика – около 30 лет, и население росло лишь благодаря постоянной внутренней иммиграции. Лондон оставался местом повышенной социальной мобильности, городом приключений и возможностей, и, несмотря на ужасные порой жилищные условия, немногие лондонцы голодали.

Но от болезней спасения не было. Чума, завезенная из Азии в Европу, вероятно, на генуэзских кораблях в 1347 году, прибыла в Англию к осени 1348 года. Эпидемия, названная Черной смертью, пошла на спад лишь через год, а затем вновь вернулась в более мягкой форме в 1361 году. Предполагается, что умерло около половины лондонцев; в одни только чумные ямы Смитфилда привозили по шестьдесят трупов в день. По всему Лондону вырос уровень почвы на кладбищах. Хроника сообщает, что многие, «кто был заражен утром, покинули круг людских забот еще до полудня, и никто из тех, кому было суждено умереть, не прожил более трех или четырех дней». Священники призывали горожан покаяться в грехах, и немало часовен было построено на средства, завещанные богатым горожанином на помин души.

Последствия мора, как и любого национального кризиса, были тяжелыми, но в Лондоне они быстро изгладились. Возник острый недостаток рабочей силы, и приходилось увеличивать жалованье, несмотря на запрещавшие это законы. Говорили, что каменщики в Вестминстерском аббатстве повысили расценки на свою работу вдвое по сравнению с теми, что были до чумы. Те, кто пользовался услугами каретников, перчаточников, кузнецов и даже домашних слуг, находили, что они требуют «неизмеримо больше, чем привыкли брать» до эпидемии. В то же время город на некоторое время перестал страдать от перенаселенности.

Эдуард III ответил чуме тем, что разрешил провинциальным и иностранным купцам торговать в пределах Сити. Ослабленному Сити, испытывавшему нехватку рабочей силы, оставалось только уступить. Запреты, нацеленные на ограничение конкуренции, были ослаблены. Приезжие итальянцы, фламандцы и выходцы из Ганзы нередко подвергались нападению городских банд, но без них Лондон не оправился бы так легко. Кроме того, они предоставляли королю кредиты на продолжение войны во Франции, которую король было забросил и которая не пользовалась популярностью ни у Сити, ни у провинциальной аристократии – по крайней мере, до тех пор, пока она не приносила побед и добычи.

Администрация Сити теперь была упорядочена. Действовал совет из 25 олдерменов, избравшихся обычно на всю жизнь из именитых членов двенадцати главных гильдий. Хотя такая олигархическая модель способствовала появлению сильных личностей, одни и те же семьи редко оставались у власти долго, может быть, потому, что деловая элита Сити все время пополнялась новой кровью – в этом была ключевая разница между торговым городом, ориентированным прежде всего на море, и стоявшей «на земле» экономикой континентальной

Европы. В Лондоне не было ни своих Монтекки и Капулетти, ни своих гвельфов и гибеллинов, хотя из-за изменений в ремесле той или иной гильдии конфликты возникали нередко, иногда выплескиваясь на улицы.

Совету олдерменов подчинялся городской совет, составленный из ста представителей 25 округов и становившийся со временем все более буйным и влиятельным. Его члены контролировали получение прав горожанина Сити, и совет был средоточием лоббизма и регулирования со стороны гильдий. Городской совет не управлял Сити, но, по обычаю, совет олдерменов должен был консультироваться с ним в своих решениях, особенно по финансовым вопросам. Менее влиятельные гильдии в дни пиров занимали скромное место на нижнем конце стола, но, по мере того как Сити становился все более разнообразным, преимуществами членства в гильдиях смогли воспользоваться и более бедные слои городского общества. К концу XIV века в ту или иную гильдию, как предполагается, входили три четверти мужского населения.

Благодаря чуме все эти группы стали лучше оплачиваться, чувствовать себя в большей безопасности и вести себя увереннее. И со временем ими неизбежно должны были завладеть идеи народовластия. Драпировщик из городского совета Джон Нортгемптон был прирожденным возмутителем спокойствия: он дорос до олдермена и стал глашатаем интересов мелких гильдий и городской «черни». Взаимоотношения между Сити и короной стали накаляться после смерти Эдуарда III, когда на трон вступил его внук, десятилетний Ричард II (1377–1399).

Кризис разразился, когда некоторые из сподвижников Нортгемптона приняли сторону крестьян Уота Тайлера, которые в июне 1381 года прибыли в Сити из Кентерберии и учинили бунт, требуя повышения жалованья. Три дня в городе царил хаос. Горели дома и монастыри; убивали восставшие и тех, кто всегда был мишенью лондонских хулиганов, – чужаков. Однако отряды полиции в округах приняли меры к тому, чтобы бунтовщики Тайлера искали свои жертвы в основном за пределами стен Сити. Им пришлось громить Ламбетский дворец архиепископа Кентерберийского, юристов в Темпле, Савойский дворец Джона Гонта¹⁹, а также тюрьмы Ньюгейт и Маршалси.

Когда наконец с мятежниками встретился подросток-король и пообещал удовлетворить их требования, именно мэр Лондона убил Тайлера, а отряды полиции Сити окружили его сторонников и изгнали их из города. Нортгемптон позднее сам стал мэром, вновь продемонстрировав способность Сити вовремя переменить к победителю. Однако само восстание стало свидетельством появления в Лондоне нового источника власти – народных масс. Как разговаривать с этими массами и контролировать их? Этому вопросу предстояло стать главным для управления городом в смутные времена в будущем. На портрете в Вестминстерском аббатстве, датированном 1390 годом, 23-летний Ричард выглядит задумчивым и очень уязвимым. И возможно, это первое изображение английского монарха, выполненное с портретным сходством.

¹⁹ *Джон Гонт* – герцог Ланкастерский, дядя Ричарда II и фактический правитель Англии до его совершеннолетия (в том числе и в описываемый период).

Лондон Чосера

Если Лондон времен крестьянского восстания остается для нас «закрытой книгой», то вскоре эта книга была решительно открыта. Джеффри Чосер был чиновником и придворным в беспокойные времена Эдуарда III и Ричарда II. Он служил дипломатом, выполнял поручения на континенте, где встречался с Петраркой и Боккаччо. Он стал членом парламента от Кента, смотрителем таможни и клерком королевских работ²⁰. Его жена Филиппа де Руэ была сестрой второй жены Джона Гонта, Кэтрин Суинфорд. Чосер был во всех смыслах членом средневекового истеблишмента. Однако с юных лет его тянуло к литературному ремеслу, и он стал первым английским поэтом, в трудах которого как в зеркале отразилось все многообразие окружавшего его мира.

Описывая современную ему Англию, Чосер воспользовался сюжетной рамкой: паломники, вышедшие на Пасху из Саутуорка в Кентерберии, рассказывают друг другу свои истории. «Кентерберийские рассказы» были написаны в 1380-х годах, но Чосер их так и не закончил, и на момент смерти поэта в 1400 году они не были опубликованы. Ни один из паломников не принадлежит ни к высшей знати, ни к бедноте: напротив, все они представляют нарождающийся средний класс позднесредневековой Англии: рыцарь, юрист, купец, мельник, аббатиса – всего около тридцати человек. Все характеры описаны удивительно живо.

Купец говорит немного – лишь о своих деньгах да о мужьях-рогоносцах. Ткачиха из Бата с независимым характером рассказывает о своих четырех мужьях, а интересуется одеждой, магией, сплетнями и положением женщины в обществе. Рыцарь описывает, как «Шли в понедельник игрища и пляс, / И там Венере все служили рьяно»²¹. Однако на покой он все же удаляется рано, чтобы наутро «видеть грозный бой». «Веселый подмастерье» из рассказа повара «ходил к подружкам ежедневно в гости», и хозяин едва смог избавиться от него, выдав бумагу о завершении ученичества. После чего подмастерье отправляется с дружкой кутить и предаваться разврату.

Эти персонажи встают со страниц «Кентерберийских рассказов» не как карикатуры, стесненные суевериями прошлого, но как вневременные образы – веселые, циничные, свойские, скептические, сознающие свое место в социуме. Паломничество в Кентерберии – средневековый пакетный тур к модной достопримечательности. Все помешаны на теме секса. А в нападениях на времена и нравы паломники не щадят ни церковь, ни власть, ни своих юных и старых современников, чьи похождения они описывают. Это граждане открытого общества, имеющие собственное мнение по всем вопросам.

Улицы Лондона также являлись местом постоянных празднеств и развлечений. Проституция была распространена повсеместно; об этом напоминают такие названия, как Паппекёрти-лейн (искаженное *poke-skirt*²²) или даже Гроупкэнт-лейн²³ (теперь, увы, исчезнувшая под офисным зданием близ улицы Чипсайд). Город Чосера мог повернуться и своей неприятной стороной. Сегодня чужаков могли чествовать, а завтра избивать. Вордсворт писал о ежегодной ярмарке Святого Варфоломея:

Но бывает так,
Что чуть ли не полгорода в едином

²⁰ Клерк королевских работ осуществлял, говоря современным языком, технический надзор за строительством на королевских стройках.

²¹ Здесь и далее «Кентерберийские рассказы» цит. в пер. И. Кашкина и О. Румера.

²² Сунуть под юбку (*англ.*).

²³ Grope – «схватить», cunt – груб. «женский половой орган» (*англ.*).

Порыве (будь то ярость, радость, страх)
На улицы выходят: то ль на казни
Смотреть, то ль на пожарище; иль праздник
Зовет на площадь всех²⁴.

Я не раз думал о том, какие современные города могли бы помочь представить чосеровский Лондон. Ближайшее, что приходит мне на ум, – это если бы нищета и грязь Калькутты 1970-х годов перенести на улицы современного Йорка. Возможно, более достоверное впечатление можно получить, если всматриваться в картины Карпаччо и его современников, творивших в Венеции XV века.

Празднество на картине Карпаччо «Чудо реликвии Креста на мосту Риальто» (Галерея Академии, Венеция) может дать представление о подобных событиях в Лондоне. Это многолюдное шествие ярко одетых горожан – молодых и старых, богатых и бедных, набожных и нечестивых, но прежде всего уверенных в себе и тщеславных. Таков, без сомнения, был и Лондон Чосера.

²⁴ Пер. Т. Стамовой.

Церковь и политика

Важной отличительной чертой Лондона этого времени остается статус церкви. Ей принадлежала четверть Сити и большая часть земли в пригородах, она играла важную роль как в парламенте, так и в городском управлении. Церковь учила детей лондонцев, кормила бедных и заботилась о больных. При этом резиденция папы в тот момент располагалась в Авиньоне, под защитой Франции, с которой Англия формально находилась в состоянии войны. Вполне понятно, что лондонцы были весьма восприимчивы к критикам церковной коррупции и догматики, таким как Джон Уиклиф и его последователи – лолларды. Уиклиф был противником церковной иерархии, продажи индульгенций и излишнего поклонения святым. Он высмеивал косность священников. Источник вероучения, по словам Уиклифа, следовало искать только в Библии; в этом он был предшественником ранних деятелей Реформации – Яна Гуса из Праги и Мартина Лютера в Вормсе.

Бросив вызов авторитету церкви, Уиклиф сразу обрел множество последователей не только среди простых горожан, но и среди выдающихся фигур того времени, среди которых были Чосер и Джон Гонт. Однако движение лоллардов ненадолго пережило своего основателя. Лондонцы были людьми широких взглядов, но не религиозными радикалами. Король вовсе не был очарован лоллардами, а Сити в период беспокойных отношений с Вестминстером не стремился стоять на своем в этом вопросе. К тому же на смену Нортгемптону явилась другая выдающаяся фигура – великолепный Ричард Уиттингтон.

Уиттингтон, сын землевладельца из Глостершира, был типичным «новым лондонцем». По профессии он был торговцем тканями, поставщиком двора Ричарда II. Между 1397 и 1419 годами он четырежды был мэром Лондона – случай чрезвычайно редкий. Позднейшая сценическая популярность Дика Уиттингтона представляет собой загадку²⁵. Он не был беден, не уходил из Лондона через Хайгейт, и уж, конечно, у него не было kota, обученного ловить мавританских крыс. А вот кем он был, так это тонким дипломатом и любимцем короля, которому давал щедрые займы под залог королевских драгоценностей и поступлений от налога на шерсть. Тем же он занимался и при Генрихе IV, и при Генрихе V, лстя монархам и одновременно блюдя интересы Сити.

Уиттингтон наверняка был среди лондонцев, приветствовавших Генриха V в столице после его победы при Азенкуре в 1415 году. Согласно одной анонимной записи, после чествования в Блэкхите Генрих вступил в Сити. Город был украшен гобеленами и бутафорскими башнями, в каждой нише которых «стояла красивая девушка в позе статуи; в их руках были золотые чаши, из которых они весьма нежно сдували золотые листки, падавшие на голову проезжавшего короля... Из специально проложенных желобов и кранов в трубах лилось вино». Сити никогда не экономил на стиле.

Позднейшей славой Уиттингтон почти наверняка обязан еще одной традиции Сити: богатства, добытые коммерцией, должны в Сити же и возвращаться. Не имея наследников, Уиттингтон занимался благотворительностью в непревзойденных масштабах. Он перестроил Гилдхолл, осушил почву в трущобах вокруг Биллингсгейта, выделил деньги на прием матерей-одиночек в больнице Святого Фомы и профинансировал колледж, где обучались будущие

²⁵ Имеется в виду популярная легенда, в XIX веке ставшая пантомимой. Согласно этой истории, Дик Уиттингтон (Дик – уменьшительная форма имени Ричард) бедным мальчишкой вместе со своим котом отправился из родной деревни на заработки в Лондон. Не достигнув успеха, он решает вернуться домой, но его останавливает звук колокола, в котором он слышит предсказание, что трижды станет лорд-мэром Лондона, и остается. Дик нанимается на корабль и берет с собой kota. Корабль заходит в мавританскую гавань, где неизвестны кошки и всех одолели крысы. Ричард продает kota султану и получает за него целое состояние. Вернувшись домой, он женится, а потом и трижды становится лорд-мэром Лондона (в реальной жизни, как было указано, Ричард Уиттингтон был мэром даже четырежды).

священники. Еще одним его деянием стала постройка у реки общественного туалета на 128 мест, известного как Длинный дом Уиттингтона; нечистоты дважды в сутки смывал прилив. А вот больницу Уиттингтон-хоспитал в Хайгейте он не строил; она построена в память о легенде, согласно которой юный Ричард вернулся в Лондон, услышав звон колоколов церкви в Боу.

Завершение Столетней войны и последующая гораздо более жестокая гражданская война за корону между Йорками и Ланкастерами причинили городу неудобства, но не стали для него катастрофой. Сити в основном поддерживал Йорков и открыто выступал на стороне Эдуарда IV. Но, когда Эдуард в 1483 году умер, а двумя годами позже Генрих Тюдор одержал победу над Ричардом III на Босуортском поле, Лондон это устроило. Город приветствовал Генриха VII в Шордиче процессией трубачей и поэтов, а также преподнес королю в дар 1000 марок. Теперь это был город Тюдоров.

Эпитафия средневековому городу

Мэр и олдермены, приветствовавшие Генриха VII после победы при Босуорте, все еще представляли собой город на задворках новой Европы – Европы Возрождения и Реформации. Численность населения после Черной смерти восстанавливалась медленно – уровня, предшествовавшего эпидемии, она достигла лишь к концу века – и по-прежнему не могла сравниться с Парижем, отставая от него вчетверо. Торговля Лондона основывалась главным образом на шерсти, а трудовые ресурсы зависели от притока мигрантов из провинции. Изучение имен и диалектов этой эпохи показывает, что лондонцы на протяжении большей части XIV века говорили на восточно-английском диалекте англосаксонского языка, а затем перешли на восточно-мидлендский диалект. Судя по документам, после чумы четверть тех, кто получил гражданство города, происходили из Йоркшира или еще более северных частей страны. В европейской экономике Лондон по-прежнему оставался чужаком. В торговле он был младшим компаньоном Антверпена. Здания последнего были более величественными, его купцы были богаче, а моряки предприимчивей. В отличие от Венеции, у Англии не было торговых представительств за рубежом. Хотя слухи о трансатлантических путешествиях ходили еще до Колумба, люди толковали о «землях, известных бристольским капитанам», но не капитанам лондонским. В Антверпене печаталось больше книг на английском языке, чем в Лондоне. У Англии был Томас Мор, здесь принимали как гостя Эразма Роттердамского, но у нее не было ни своих художников, которые могли бы сравниться с Дюрером или Краханом, ни архитекторов уровня Брунеллески или Браманте. В эпоху, когда Флоренция цвела ренессансной архитектурой, в Лондоне свой последний всплеск переживала средневековая готика так называемого «перпендикулярного» стиля. Часовня Генриха VII в Вестминстере, построенная в 1503 году неизвестным архитектором, остается шедевром европейской архитектуры, но она была далека от господствовавшего в Европе стиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.